

А. А. Дмитриевский

**Епископ Порфирий
Успенский как инициатор и
организатор первой русской
духовной миссии в
Иерусалиме и его заслуги на
пользу православия и в деле
изучения христианского
Востока**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 291
ББК 86.3
А11

- А11 **А. А. Дмитриевский**
Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой русской духовной миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу православия и в деле изучения христианского Востока / А. А. Дмитриевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 126 с.

ISBN 978-5-458-61277-7

ISBN 978-5-458-61277-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мѣчаетъ пр. Порфирій о своемъ эстетическомъ воспитаніи. Когда шелъ мой осьмой годокъ, тогда отецъ мой, блаженной памяти *псаломщикъ костромскаго кафедральнаго собора* ⁶⁾, Александръ Матвѣевичъ, рисоваль мнѣ плѣпныхъ французскихъ гвардейцевъ, которыхъ нагнали въ Кострому въ 1812 году, а я перерисовываль ихъ черезъ прозрачную бумагу и восхищался своею дѣтскою работою. Тогда же отецъ покупаль мнѣ рисованныхъ на бумагѣ генераловъ нашихъ на коняхъ и подъ ними сражающихся съ нами французовъ. И эти рисунки я перерисовываль на промасленной бумагѣ, прилѣпивъ ихъ къ стеклу... Способность и пристрастіе къ живописи остались во мнѣ. Это пристрастіе проявилось у меня, во время путешествія моего по Италіи, да такъ, что, живи въ Венеціи, Падуѣ, Миланѣ, я ничего кромѣ картинъ и картинныхъ церквей видѣть не хочу ⁷⁾. Еще разъ онъ вспомнилъ о своемъ отцѣ по поводу рѣчи о Москвѣ. «Когда я былъ маленькій отрокъ, тогда отецъ мой порою спрашиваль меня: «Костя, хочешь ли, покажу тебѣ Москву?» «Хочу, покажи мнѣ Москву», лепеталь я и прыгаль отъ радости. Тогда онъ обѣими руками приподнималь меня за виски (голове) и говорилъ: «ну, видишь-ли?» «Вижу, вижу», кричаль я, дрыгая ногами. Да, въ семействѣ я, молясь вмѣстѣ съ матерью, привыкаль чтить русскаго царя, а играя и забавляясь, слыхаль о Москвѣ и желаль видѣть ее» ⁸⁾.

Невысокое положеніе отца въ клирѣ церковномъ не позволяетъ намъ предполагать, что Александръ Матвѣевичъ могъ считаться состоятельнымъ человѣкомъ: онъ, скажемъ словами пр. Порфирія, лишь «никогда не былъ нищимъ» ⁹⁾, имѣя собственный домикъ съ садомъ и кусокъ насущнаго хлѣба отъ прихода. «Я провелъ золотые годы юности, пишеть объ этомъ домѣ пр. Порфирій, въ *свѣтлѣхъ родительскаго дома*, украшенной изображеніями судьбы милоликаго Іосифа, безобразнаго Эзопа, сладкоглаголиваго Іоанна Дамаскина и святыхъ мѣсть Іерусалима, и тамъ заучиваль уроки человѣческаго любуудрія и откровеннаго богословія и сочиняль разсужденія и первыя проповѣди. Незабвенная свѣтелка, въ которой никто другой не бываль, кромѣ Бога

⁶⁾ Это противорѣчіе принадлежитъ пр. Порфирію. Книга бытія моего, V, 385; см. Второе пут. по св. Аѳон. горѣ, стр. 1. ⁷⁾ Книга бытія моего, V, 385—386. ⁸⁾ Тамъ же, III, 56. Спб. 1896. ⁹⁾ Тамъ же, 113.

и двухъ сестеръ моихъ»¹⁰⁾. Нисколько поэтому неудивительно, что, послѣ кончины Александра Матвѣевича, мать его съ дочерью очутилась въ положеніи «бѣднѣйшей»¹¹⁾ и въ «большой нуждѣ»¹²⁾, и забота о нихъ всецѣло легла на плечи пр. Порфирія. «Для нихъ, признается пр. Порфирій, я отрекся отъ міра, дабы онѣ моею нищетою были богаты», чтобы осушить «потокъ ихъ слезъ», избавить ихъ отъ «голодной нищеты и тяжкихъ страданій»¹³⁾.

Матери своей Дарьѣ Степановнѣ, скончавшейся въ глубокой старости († 1865 г.), напротивъ, пр. Порфирій посвящаетъ весьма много вниманія и рисуетъ ее предъ нами высоко симпатичными чертами доброй христіанки. Дарья Степановна была женщина простая и вполне раздѣлявшая вѣрованія и взгляды нашихъ простолюдиновъ на «домовыхъ, лѣшихъ, *встающихъ изъ могилъ покойниковъ*». «Моя мать, пишетъ пр. Порфирій, однажды говорила мнѣ, что она видѣла лихорадку въ синемъ короткомъ сарафанѣ съ голыми ногами, ту самую, которая приходила трясти и мучить родную сестру мою Любовь»¹⁴⁾. Дарья Степановна вмѣстѣ съ дѣтски наивною вѣрою соединяла глубою религіозность. «Моя родная мать, читаемъ мы въ его запискахъ, будучи весьма благочестива, и меня съ малолѣтства воспитала въ строгомъ благочестіи и научила молиться Богу, какъ молилась сама, сердечно и благоговѣнно»¹⁵⁾. Молитвы утреннія и на сонъ

¹⁰⁾ Тамъ же, IV, 189—190. Спб. 1896. Ст. I, 559. Спб. 1894. ¹¹⁾ Тамъ же, III, 109; 128; VIII, 398. ¹²⁾ Тамъ же, VIII, 398. ¹³⁾ Тамъ же, III, 128. ¹⁴⁾ Книга бытія моего, III, 47. Для характеристики міросозерпанія матери пр. Порфирія можетъ служить и «молебная пѣснь солицу», перенятая послѣднимъ отъ своей матери. Вотъ эта пѣсенка:

«Солнышко, ведрышко,
Выглянько!
Твои дѣтшки на камешкѣ сидятъ,
Ужъ сухарики и крошечки ѣдятъ.
Собакамъ бросаютъ
И ихъ не оставляютъ» (III, 256).

¹⁵⁾ Вѣра была внушена пр. Порфирію матерью и «привита къ душѣ въ часы колѣнопреклоненной молитвы, совершаемой, бывало, на одной половой доскѣ съ нею. Съ этою вѣрою не вжаждешься во вѣки». (Первое путеш. въ Синайскій монастырь въ 1845 г., стр. 9. Спб. 1856. Ст. Первое путеш. въ аеон. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 169). ¹⁶⁾ Книга бытія моего, VIII, 122; Первое путешествіе по св. Афонской горѣ, ч. I, отд. I, стр. 169. Кіевъ. 1877.

грядущій я зналъ наизусть и читалъ ихъ про себя даже и тогда, когда учился уже въ академіи, гдѣ въ то время студенты не молились всѣ вмѣстѣ въ занятныхъ покояхъ своихъ. Сладость молитвы была любимую сладостію души моею»¹⁶⁾. Мать пр. Порфирія любила паломничества въ монастыри, совершала ихъ ежегодно и брала съ собою нерѣдко и будущаго востоковѣда пр. Порфирія. Въ Ростово-Яковлевскій монастырь «мать моя, по словамъ пр. Порфирія, ходила ежегодно и тамъ поручала меня любви св. Димитрія чудотворца»¹⁷⁾. «Въ юности у меня была большая охота ходить съ матерью въ монастыри Игрицкій и Бабаевскій на богомолье»¹⁸⁾. Та же набожная мать старалась вкоренить въ своемъ любимомъ сынѣ и другіе добрыя христіанскіе навыки и привычки. «Бывало, мать моя, замѣчаетъ пр. Порфирій, какъ увидить, что я рожаю на полъ хлѣбныя крошки, тотчасъ образумить меня, а въ другой разъ и покажетъ, чтобы голова моя помнила даръ Божій»¹⁹⁾. Поэтому нисколько не удивительно, что пр. Порфирій мать свою называетъ «первымъ своимъ кормчимъ»²⁰⁾ и посвящаетъ ей въ своихъ сочиненіяхъ не мало страницъ, проникнутыхъ чувствами нѣжной сыновней горячей любви и глубокой благодарности²¹⁾.

Воспитанный благочестивою матерью, пр. Порфирій безспорно воспринялъ отъ нея много хорошаго, но и раздѣлялъ нѣкоторые недостатки ея наивпаго міросозерцанія²²⁾. Храмы старинные, ихъ суровая архитектура и благолѣпное богослуженіе дѣйствовали на впечатлительную душу дитяти глубоко и оставили неизгладимый свой слѣдъ на всю его жизнь. При взглядѣ на суровыя и сухія лица святыхъ, «я, замѣчаетъ пр. Порфирій, вспоминалъ свое дѣтство: бывало въ старинныхъ церквахъ на родинѣ лики святыхъ не столько

¹⁷⁾ Книга бытія моего, VIII, 533. ¹⁸⁾ Тамъ же, IV, 346. ¹⁹⁾ Путеш. по Египту и въ монастыри св. Антонія В. и пр. Павла Фивейскаго въ 1850 г., стр. 58. Спб. 1856. ²⁰⁾ Книга бытія моего, III, 52. ²¹⁾ Тамъ же, I, 278, 317, 539; III, 47, 52, 56; IV, 219, 224, 232. ²²⁾ Гаданіе о судьбѣ по Евангелію — несомнѣнно наслѣдіе этого воспитанія. «Въ семействѣ нашемъ, пишетъ еп. Порфирій, сестры мои, родныя и двоюродныя, и сама я, когда учился въ семинари, всѣ мы нерѣдко загадывали всякій свое, и отгадокъ искали въ Евангеліи, которое всегда полагалось на голову» («Путешеств. въ метеорск. и оссо-олимпійскіе мон. въ Фессаліи, стр. 177).

пугали меня, сколько предостерегали отъ шалостей; какъ взгляну на нихъ, а они такъ и смотрять на меня грозно. Я забѣгу въ сторону церкви, а святой Николай и туда смотритъ; я—въ другую сторону, а онъ и тамъ видитъ меня. Я закрою свои глазенки, онъ мнѣ слышится, онъ говоритъ: «смотри же, Костя, не шали, учись и будь уменъ, да молись Богу и слушайся отца и мать». Иногда онъ протвердить мнѣ всѣ заповѣди и всѣ добрыя наставленія родителей и учителей. Сначала я очень боялся св. Николая, а послѣ немножко попривыкъ къ нему и, казалось, иногда онъ смотрѣлъ на меня уже и поласковѣе. Таково было дѣйствіе суровой церковной живописи на мою маленькую невинную душу» ²³). Знаніе прекрасное церковныхъ пѣснопѣній и любовь къ богослуженію привита пр. Порфирію съ дѣтства. «Почти въ каждый вечеръ пѣлъ я всенощны въ своей кельѣ одинъ одинехонекъ, замѣчаетъ еп. Порфирій о послѣднихъ годахъ своей московской жизни (1883 г.), *съ дѣтства зная наизусть стихиры, догматики, тропари, ирмосы* и проч. и проч. до Взбранной Воеводѣ» ²⁴). Самыя дѣтскія игры его нерѣдко были ни чѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ церковнаго богослуженія въ компаніи съ своими сестрами. «Я въ годы отрочества своего любилъ наряжать своихъ сестеръ діаконами, служить съ ними обѣдню и благословлять обѣими руками, признается пр. Порфирій. Примѣчая это, моя бабушка Дарья говаривала мнѣ: Костенька, ты будешь попъ, да протопопъ, да архіерей» ²⁵).

Религіозное воспитаніе въ семьѣ, состоящей изъ женщинъ, предрасположило впечатлительную душу даровитаго дитяти ко всему таинственному и развило въ немъ съ юныхъ лѣтъ любовь къ уединенію. Съ любовью онъ ходилъ «въ лѣсъ за грибами, гдѣ сумракъ, тишина, таинственное эхо и небо, едва видимое поверхъ высочайшихъ сосенъ, обворожали меня до того, что я, говоритъ пр. Порфирій, на призывъ родимой идти домой, нерѣдко отвѣчалъ: еще рано. Въ юности же наклонность моя къ уединенію была такъ велика, что всѣ называли меня монахомъ» ²⁶). Но съ этими добрыми навыками отъ матери переняты были и нѣко-

²³) Книга бытія моего II, 141—142. Спб. 1895. ²⁴) Тамъ же, VIII, 539. ²⁵) Тамъ же, IV, 346. ²⁶) Тамъ же. ²⁷) Тамъ же, VIII, 319.

торыи суетвѣрія. «Идя въ Запрудненское училище мимо кладбища я, сознается пр. Порфиріи, боялся погони за мною мертвецовъ» ²⁷⁾.

Семья Александра Матвѣевича и Дарьи Степановны Успенскихъ состояла изъ единственнаго сына, будущаго восточковѣда, епископа Порфирія и двухъ дочерей: старшей Любви Александровны Лапшиной и Серафимы Александровны Николаевской, оставшейся въ живыхъ и послѣ смерти епископа Порфирія и проживавшей въ собственномъ домѣ на роднѣ ²⁸⁾. По поводу кончины старшей своей сестры, 10 сентября 1845 г., пр. Порфиріи замѣчаетъ: «я и сестра моя погодки у матерп, и любили другъ друга. Покойная была *весьма набожна, строгаго правила и домостроительна*» ²⁹⁾. Между всѣми членами семьи Успенскихъ царилъ всегда рѣдкая взаимная привязанность и горячая любовь ³⁰⁾, которая потомъ переносится и на младшее нисходящее поколѣніе этой семьи. Племянницу второй сестры Серафимы Александровны Маргариту Боровскую пр. Порфирій не только воспитывалъ, но выдалъ замужъ съ десяти тысячнымъ приданнымъ ³¹⁾, и потомъ изъ 15,000 рублей за проданныя Императорской публичной библиотекѣ рукописи выдалъ ей еще 5,000 руб. ³²⁾. По духовному посмертному завѣщанію, онъ отказалъ тысячу рублей родной сестрѣ, а выигрышный билетъ—родной племянницѣ Ю. А. Борноволоковой ³³⁾. Едва ли и слѣдуетъ прибавлять, что пр. Порфирій былъ любимцемъ и гордостью всей семьи. Въ минуты житейскихъ неудачъ, которыя нерѣдко выпадали на его долю, пр. Порфиріи мучился прежде всего не за себя самого, а за своихъ присныхъ. «Когда вспоминалъ я, пишетъ въ 1847 г. пр. Порфирій среди своихъ злоключеній въ Петербургѣ, о своей бѣднѣйшей матери и о сестрѣ съ ея Маргашею, для которыхъ я отрекся отъ міра, дабы онѣ моею нищетою были богаты, тогда мысль о потокѣ слезъ ихъ, о голодной нищетѣ ихъ, о *тяжкихъ страданіяхъ ихъ, о нестерпимой боли ихъ отъ глухаго и жестокаго говора о мнѣ людскаго, эта мысль, слишкомъ тяжелая,*

²⁸⁾ Книга бытія моего, VII, 170. Спб. 1901. ²⁹⁾ Первое путеш. въ Афонск. мон. и скиты въ 1845 г., ч. I, отд. II, стр. 341. ³⁰⁾ Книга бытія моего, I, 465, 559; II, 488; VII, 170; VIII, 319—320; Путеш. первое въ Афон. мон. и скиты въ 1845 г., ч. I, отд. II, стр. 341. ³¹⁾ Книга бытія моего, VIII, 441. ³²⁾ Тамъ же, 521. ³³⁾ Москов. Церковн. Вѣдом. 1885 г., № 27, стр. 435.

какъ острый камень, падала на мое сердце и приподнявшись опять падала и выдавливала изъ него всю кровь и потомъ съ большой высоты падала и крушила его въ дребезги»³⁴⁾.

Въ трудныя минуты жизни онъ поэтому спѣшилъ въ родную семью, чтобы отдохнуть душою въ кругу любимыхъ и любящихъ его присныхъ. «Я скоро уѣду отсюда въ Кострому, писалъ въ маѣ 1857 года свѣтлѣйшей княгинѣ Е. П. Витгенштейнъ, урожденной Эйлеръ, фрейлинѣ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, удрученный подъ тяжестью креста арх. Порфирій, для свиданія съ престарѣлою матерью и съ родными моими. *Ихъ любовь крайне нужна мнѣ въ настоящемъ безотрадномъ моемъ состояннн. Среди нихъ я не буду смотреть на себя, какъ на отлученнаго отъ общества.* Не въ Лаврѣ, а въ родительскомъ домѣ обновится, яко орля, юность души моей, въ которой набожная мать моя умѣла привить страхъ Божій, цѣломудріе, незлобіе и терпѣніе»³⁵⁾. Посѣщалъ пр. Порфирій «милую родину» и на склонѣ уже лѣтъ своей жизни (въ 1872 г.) съ тѣмъ, чтобы повидѣться съ родною сестрою и племянницею и «прискаты себѣ теплое мѣстечко», «гдѣ бы лучше водвориться для покоя»³⁶⁾.

Какъ и гдѣ выучился грамотѣ пр. Порфирій объ этомъ у него нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Но едва ли не о своемъ первоначальномъ обученіи говоритъ онъ, когда, въ бытность въ Рамалтѣ въ Палестинѣ въ 1844 году, случайно у него всплываетъ на поверхности сознанія «воспоминаніе о старыхъ дьячкахъ въ Россіи и о способѣ, какимъ они, бывало, учили читать и пѣть: Азъ колетъ глазъ, Буки букашки, Вѣди таракашки, Глаголь кочережки, Добро колченожки, Есть просить ѣсть и пр.

«Скокъ поскокъ на чужой мостокъ.»—Это припѣвъ, по которому ученикъ могъ пѣть правильно «Богъ Господь и явился намъ» и пр.

«Преподобная мати лисица, страсотерпцы зайцы, мученики волки, пустынножителн медвѣди, въ берлогахъ живущіе, лапки сосущіе, молитѣ спастися душамъ нашимъ. На подобіе этой стихирн поется «Господи воззвахъ» на первый гласъ»³⁷⁾

³⁴⁾ Книга бытія моего, III, 128. ³⁵⁾ Вогослов. Вѣстн. 1904 г., кн XI, стр. 120—121. ³⁶⁾ Книга бытія моего, VIII, 318, 319, 321. ³⁷⁾ Тамъ же, I, 469—470.

Иныхъ. впрочемъ, формъ обученія грамотѣ до второй половины XIX столѣтія въ Россіи не существовало, и дьячковская система обученія многимъ изъ насъ и досель еще памятна ³⁸⁾. Какъ бы тамъ ни было, но, при счастливой природной памяти, Константинъ Успенскій на девятомъ году уже былъ готовъ къ поступленію въ духовное училище.

«Посѣтилъ я предмѣстіе Костромы Запрудню, пишетъ пр. Порфирій о своей повѣздѣ на родину въ 1872 году, гдѣ въ 1813 году находилась семинарія съ училищемъ для малолѣтковъ, пока не сгорѣла. Туда въ сентябрѣ этого года отецъ мой отвелъ меня *девятилѣтняго* учиться. Тамъ приняли меня въ такъ называемую *информаторію*; и тутъ мальчишки посвятили меня въ званіе ученика, ударяя локтемъ по синиѣ и кулакомъ по затылку такъ больно, что я плакалъ. Отъ моей информаторіи и отъ самой семинаріи не осталось ни одного бревна. Была тутъ березовая гѣбнистая роща, въ которой семинаристы потѣшались разными играми, но и она срублена вся и искоренена. Теперь тамъ устроены купеческія фабрики. Каменная же церковь, въ которой чувствуется старинный образъ Нерукотвореннаго Спаса и въ которой молились семинаристы, уцѣлѣла и даже возобновлена внутри и украшена весьма хорошо мѣстными (фабрикантами) ³⁹⁾. Изъ школьнаго періода жизни у пр. Порфирія записаны воспоминанія еще о томъ, «какъ ревизоръ архимандритъ Филаретъ, со свѣздою на груди, задалъ намъ *грамматистамъ* задачу перевести по-латыни: «Приидите поклонимся Цареву нашему Богу», и я перевелъ такъ: *Venite, adoremus Regem nostrum Deum*, какъ въ Богоявленскомъ (нынѣ женскомъ) монастырѣ я лазилъ ⁴⁰⁾ по крытымъ ходамъ на толстыхъ стѣнахъ его отъ башни до башни и писалъ тутъ карандашемъ по-

³⁸⁾ О своей «дѣтской азбуцѣ» онъ случайно вспоминаетъ въ 1845 г. (Тамъ же, II, 488). ³⁹⁾ Тамъ же, VIII, 442—443. ⁴⁰⁾ О своей способности къ головокружильнымъ путешествіямъ по кровлямъ и полетамъ отсюда на землю, еп. Порфирій воспоминаетъ и въ другихъ случаяхъ. «Въ дѣтствѣ, пишетъ онъ, бывало играя съ сестрами въ *закоулки*, безъ всякаго страха взбирался по бревнамъ избы и смежной бани на откосныя кровли ихъ, быстро взбѣгалъ по нимъ до трубъ и садился за ними, дабы не отыскали меня, и когда соскучился тутъ, спрыгивалъ съ любой кровли прямо на землю». (Путеш. въ метеорскіе и оссо-олимпійскіе мон. въ Тессаліи, стр. 145).

гречески: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, Ἄξιόν ἐστιν ὡς ἀληθῶς μακαρίζειν σε τὴν Θεοτόκον» ⁴¹⁾.

Надѣленный отъ природы прекраснымъ голосомъ дискантомъ, онъ пѣлъ въ семинарскомъ хорѣ, а впослѣдствіи былъ тамъ регентомъ и управлялъ даже двумя хорами, благодаря чему прекрасно зналъ церковное пѣніе и, въ санѣ потомъ архіерея, всегда горячо заботился о церковномъ пѣніи ⁴²⁾. Восхищенный его голосомъ регентъ архіерейскаго хора хотѣлъ было взять Константина Успенскаго въ архіерейскіе пѣвчіе, но мать энергично воспротивилась этому, опасаясь испортить даровитаго юношу ⁴³⁾.

О семинарскомъ образованіи пр. Порфирій сообщаетъ немного свѣдѣній. «Самыя любимыя науки мои, говоритъ онъ, были *исторія и философія*. Изъ священныхъ лицъ прекрасный Іосифъ былъ задушевный другъ мой. Рассказывать его сновидѣнія отцу, матери, сестрамъ, теткамъ было любо мнѣ. При изученіи древнихъ языковъ, латынь не особенно нравилась мнѣ, а греческое слово плотно сращалось съ моею обширною памятью. Такія знаменія прообразовали будущую судьбу мою» ⁴⁴⁾. Вліяніе на пробужденіе любви къ изученію языковъ греческаго и латинскаго безспорно имѣлъ даровитый учитель греческаго языка Теодоръ Павловичъ Москвинъ, впослѣдствіи Арсеній, митрополитъ кіевскій, оказавшій большія услуги для карьеры епископа Порфирія ⁴⁵⁾, и учитель краснорѣчія и поэзіи Василій Ивановичъ Груздевъ (въ 1820 г.) ⁴⁶⁾. Но въ большинствѣ своими преподавателями семинарскими и даже академическими пр. Порфирій остался весьма недоволенъ. «Наставники семинаристовъ и академистовъ большею частію, пишетъ онъ, малосвѣдуци и вялы, а которые побойчѣе и повольнодумнѣе, тѣ даютъ имъ зачатки ложнаго знанія и губятъ въ нихъ вѣру, насажденную благо-

⁴¹⁾ Книга бытія моего VIII, 319—320. ⁴²⁾ Тамъ же, 123. ⁴³⁾ Тамъ же, VII, 62. ⁴⁴⁾ Тамъ же, IV, 346. ⁴⁵⁾ Тамъ же, VIII, 83, 361. ⁴⁶⁾ Первое путеш. въ Аѳонск. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 17. «Не думалъ приснопамятннй В. И. Груздевъ, что я, пишетъ арх. Порфирій, въ виду Аѳона, въ дремучемъ лѣсу Киссіонскомъ буду повторять стихи Виргилія, которые онъ приказалъ намъ выучить твердо на-тврдо. Да и я, заучивая ихъ, не помышлялъ, что они потѣшатъ меня когда-либо. А потѣшили! *О, сладчайшій классицизмъ!* Безъ тебя и въ Ходомунтскомъ дремучемъ лѣсу мнѣ было бы скучно или страшно». (Тамъ же, 13).

честивыми матерями ихъ. У кого изъ нихъ есть природное краснорѣчіе, у того оно, стѣсненное школьными формами, правилами, или имѣетъ, или не имѣетъ сильнаго вліянія на общество, которое можетъ быть чаруемо, увлекаемо, спасаемо не искусственными хрїями и силлогизмами, а словомъ естественнымъ, живымъ, пламеннымъ, какъ огонь, шумнымъ, какъ дубрава, благоухающимъ, какъ цвѣтникъ, словомъ разумнымъ, сердечнымъ, такимъ, въ которомъ слышится глубокое знаніе человѣческаго сердца и духовныхъ потребностей общества. А семинаристы и академики наши, отдаленные отъ общества, развѣ имѣютъ такое знаніе» ⁴⁷⁾?

По окончаніи курса семинаріи (съ 1818—1824 гг.), онъ поступилъ «преподавателемъ греческаго языка дѣтямъ въ городѣ Макарьевѣ, что на Ужьѣ», т. е. въ низшее отдѣленіе этого духовнаго училища. «Здѣсь нарисованъ былъ мною, замѣчаетъ пр. Порфирій, видъ того монастыря, въ которомъ помѣщалось духовное училище и перерисовывались разныя животныя изъ одной русской книжицы» ⁴⁸⁾. Мечталъ пр. Порфирій въ это время и о мѣстѣ священника въ женской Апостольской обители, но «игуменя Сусанна, замѣчаетъ онъ, когда я представился ей, яко кандидатъ на опроставшея у ней священническое мѣсто, отринула меня по причинѣ безбородой и безусой молодости моея» ⁴⁹⁾.

Молодость и привычка «съ юныхъ лѣтъ къ уединенной жизни и къ ученымъ занятіямъ» ⁵⁰⁾ побудили Константина Успенскаго стремиться къ продолженію образованія въ С.-Петербургской духовной Академіи, куда онъ въ 1825 году и поступилъ въ составъ VIII курса, при содѣйствіи своего учителя по семинаріи и земляка Ѳ. П. Москвина, въ ту пору бакалавра и іеромонаха Арсенія ⁵¹⁾. «Въ академической церкви облекли меня, еще молодого, говоритъ епископъ Порфирій о себѣ, въ мантию, куколь и сандалии» ⁵²⁾. «Я охотно омонашилъ на двадцать пятомъ году моего возраста (т. е. 15 сентября 1829 года) *въ неприкосновенной чистотѣ отвѣственной*» ⁵³⁾. 20 сентября о. Порфирій Успенскій хиротонисанъ

⁴⁷⁾ Книга бытія моего, VII, 94—95. ⁴⁸⁾ Тамъ же, V, 385—386. ⁴⁹⁾ Тамъ же, VIII, 320. ⁵⁰⁾ Тамъ же, 325. «Ученіе есть страсть моя». (Тамъ же, III, 141). ⁵¹⁾ Тамъ же, 83, 361; Сн. стр. 442. ⁵²⁾ Путешествіе по Египту и въ мон. св. Антонія велик. в пр. Павла Фивейскаго въ 1850 г., стр. 259. ⁵³⁾ Книга бытія моего, IV, 346.

во іеродіакона, а 25 септября того же года въ іеромонаха. Такимъ образомъ, исполнилась давно лелѣянная мечта— быть совершителемъ Христовыхъ Таинъ и активнымъ участникомъ христіанскаго богослуженія, которое онъ любилъ съ самаго ранняго дѣтства. «Духовная сладость, которую вы ощущали въ себѣ послѣ приобщенія Св. Таинъ, пишетъ арх. Порфирій въ 1857 г. княгинѣ Витгенштейнъ, понятна и мнѣ. Въ золотые дни дѣвственной юности моея я послѣ исповѣди и причастія бывалъ такъ соединенъ со Христомъ, что во весь день и вечеръ тотъ пѣлъ разныя молитвы, дабы ни одна грубшная мысль не потемнила души моея. Это святое усиліе воли, послушной благодати Христовой, вспоманетъ Богъ, когда душа предстанетъ предъ престоломъ Его» ⁵⁴).

Въ С.-Петербургской Академіи іеромонахъ Порфирій въ годы съ 1826—1827 изучалъ на латинскомъ языкѣ философію ⁵⁵), но прежней любви къ ней уже не питалъ. «Нѣкогда я любилъ философію, признается откровенно епископъ Порфирій, но покинулъ ее, потому что она *безтолкова, мятежна и вредна*. Теперь люблю вѣру. Эта красавица—дѣвица весьма степенна, строга, цѣломудренна и возвышенна. Житье съ нею спокойно, пріятно и полезно» ⁵⁶). Однако, и вѣру пріобрѣлъ онъ не изъ лекцій профессора богословія—«многоученаго наставника своего архимандрита Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья. Знать: не помнилъ этотъ профессоръ богословія извѣстной заповѣди: ничего своего не прибавлять къ тому, что сказано въ Священномъ Писаніи; или такъ себѣ фантазировалъ предъ нами младоумными. Щеголялъ онъ на кафедрѣ своею *нѣмецкою* ученостію и неологизмомъ». Лекціи его пр. Порфирій называетъ «болтовнею» ⁵⁷). Симпатіи о. Порфирія Успенскаго повидимому болѣе всего въ это время склонялись къ изученію исторіи и древностей, но и эта любовь едвали образовалась у него подъ вліяніемъ академическихъ лекцій. Преподаваніе исторіи въ Академіи, по крайней мѣрѣ, гражданской бакалавромъ А. И. Райков-

⁵⁴) Богослов. Вѣстн. 1904, кв. IX, стр. 117. ⁵⁵) Книга бытія моего, VI, 190. ⁵⁶) Тамъ же, IV, 209. ⁵⁷) Путеш. первое въ Афонск. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 93.